

Каждую ночь в окне дома напротив зажигается свет. Горит ярко, как от светильника, с которого сорвали абажур — до самого утра. Я смотрю на него из своей конуры сквозь гущу осязаемой тьмы, — сковавшей двор, ветви деревьев, похоронившей день.

Стынет чай. От монитора на стол падают холодные блики, обнажая слева край ступенчатой книжной башни, справа — послушную «мышь», полумесяц кружки и стальную полоску чайника, по центру — мой восковой лик. Всё, что за спиной, съедено мраком.

«Ночь. Город угомонился. За большим окном тихо и торжественно, как будто человек умирает...» Точнее не скажешь. Волоокий Блок. Слишком холодно, чтобы шуметь под окнами, тащить пьяных девок за волосы и выяснять отношения насчёт предательской эсэмэски... Сентябрь. Чёрная ночь, волчья.

Окно напротив ослепло. Так бывает. Совсем черно, тихо. Погасла «точка», относительно которой можно было бы думать, что мир существует. Мир умер, потух. Есть только я и окружающая меня тьма, которой можно коснуться, опасаясь, что пальцы завязнут в чём-то пахучем и липком, как дёготь.

Человек без абажура прилёг на кровать, сомкнул очи, задумался. Кто он? Почему не спит по ночам? О чём думает? непогашенный кредит, тревога за отечество, болезнь... Неизвестно. Почему так хочется знать об этом?..

В поздний час интернет вял и непослушен. То окно погасло. Это — горит. Я вхожу в мир, где всегда светит Солнце.

Новых сообщений нет. Собственных посланий — тоже. Я никому не пишу, лень, да и с какой стати. Я вижу солнечную жизнь знакомых и незнакомых мне людей. Ночь, а они не спят: делятся мыслями, тоскуют, пускают розовые пузыри, спорят... Я проникаю в чужие «миры», наблюдаю.

Человек любит копаться в прошлом. Я тоже. Я — человек. Прошлое — долговая тюрьма, сумерки жизни. В сумерках всегда что-нибудь теряешь — любовь, честь, молочные зубы. В сумерках бывает страшно, но они притягивают, как тихая глубина обрыва. Ты невольно вглядываешься в тени, в мерцающие огни, боишься, но смотришь — до мигрени, до слепоты... Невозможно забыть.

Загляну-ка, что там мои старые приятели, что там мои детские дружбаны. Никогда не делайте этого. Сумерки опасны. Привычно скольжу мышкой. Кто это? Нет, это не он. Это кто-то чужой. Что он слушает?! Зачем эта крашенная кикимора на его коленях? А ведь я помню запах сладких, червивых яблок, что мы кидали с тобой через забор на головы прохожих, а затем прятались в шалаше. Ты хладнокровно раскорячивал свои старые болячки до крови

и улыбался, а я смотрел, морщился, и думал о боли. О чужой боли...

Жадно отхлёбываю чай. Я всегда пью крепкий. Так... идём дальше. А вот и ты, дружище... Вернее, то, что от тебя осталось. Рябое щекастое лицо умеренно пьющего мужчины средних лет. Пускай ты не стал поэтом, зато детская мечта сбылась: изо дня в день ты возишь на стареньком автобусе людей. Сигналишь, давишь на газ, посылаешь на... — от точки до точки, с утра и до поздней ночи. Женат. Фотографии жены нигде нет. Неспроста ты её прячешь. Я не поленился представить толстое капризное существо с двойным подбородком: «Миша, иди борщ жрать. Миша, не заглядывайся. Миша, мне бы шубку на зиму присмотреть...». Не ты ли читал мне пронзительные стихи о «пьяных звёздах» в сигаретном дыму коммунальной кухни и намеревался бежать в Питер? Да что там... Вечная память.

Я тоже никуда не сбежал. Ничего не добился. Слово-то какое — «добился», будто я должен всю жизнь долбить в чью-то дверь, чтобы мне отворили и угостили конфеткой мира сего. Нет уж, я лучше подремлю, покурю, поворачиваю глазами. Странные мысли поселились в моей голове надолго, перезревшие слова скребут горло. А некому. И незачем. Хроническая немота и вялотекущая меланхолия. Ночь — возможность бессмысленно вглядываться в темноту и пить чай. За здравым смыслом — к Солнцу и тем, кто склонен корчиться под его лучами, играя в «настоящую жизнь». Глоток, ещё глоток... Хорошо...

Есть пустынные, сиротливые странички, как брошенные дома с пылью, забытыми вещами и запахом человеческой тоски. Присохшие к «стене» сообщения пятилетней давности без единого смайлика, как строки в газете о пропавшем без вести, навевают тревожные мысли. Что с ним? Умер, отрешился от мира, перебрался в фейсбук...

Её нигде нет. Пусто. Даже «слепой собачки» — и той нет. Первая любовь самая долгая и болезненная, как кошачий укус. Я привязывал её к холодному столбу качели (по мотивам «Рабыни Изауры»), вставлял в рот пахучую тополиную ветку, чтобы молчала. Она не сопротивлялась. Это всего лишь детская игра. Я носил её на руках и целовал в сладкие конфетные губы. Кто-то мне сказал, что она вышла замуж, родила, и уехала в деревню: не то Бобровку, не то Борзовку. Впрочем, один хрен. Но ведь прогресс, информационное общество, все дела. Какой должна быть твоя жизнь, Катя, что даже «слепой собачки» у тебя нет? А если твой муж дурак и пьяница, что почти очевидно... Только бы жила. Живи, Катя. Ведь отсутствие в Сети ещё не говорит о том, что тебя нет «здесь», где царит ночь, и рука тянется подогреть ещё чаю...

Иду на ощупь в сортир. Шарю выключатель. Рука в извёстке. Темно. Нашёл. Жмурюсь. Толчок захлёбывается водой, шумно отрыгивает, умолкает. Так же, на ощупь, возвращаюсь обратно. Полстакана заварки, затем кипяток — чай готов. Можно жить.

Тебя я нашёл сразу. Стройная блондинка за рулем сияющего авто. Умница. Твоё послание считывается безупречно: фитнес, пляж, клубные мальчишки. Любой поймёт, что ты счастлива, успешна, и живёшь всей полнотой солнечной жизни. Те же бесстыжие глаза, влажные, как у русалки. Тебе далеко за тридцать, детей нет. С трудом верится, что на этой тонкой руке, утомлённой бесконечным селфи, когда-то пестрели феньки, что эти пальцы резались в кровь о жёсткие струны. В тебе было достаточно хаоса и тёмного опыта, чтобы в свои шестнадцать камлать Янкины³ песни у костра, заставляя меркнуть тихие степные звёзды. Впрочем, я любил тебя... недолго. А потом наш чердак забили досками, голуби помёрзли в январскую стужу, и в моём хвосте засеребрился первый седой волос.

---

³ Яна Дягилева (1966-1991) – поэт, рок-певица.

Сумерки прошлого сгущаются. Занавес. Театр теней отклонялся и разбирает декорации. Я отвожу взгляд от монитора, делаю несколько горьких глотков, и вижу — в окне дома напротив снова горит свет. Но теперь он как-то странно мерцает, словно подаёт мне сигнал.

— Не спишь? — моргает светильник.

— Не сплю, — отвечаю я.

— Вот и мой хозяин не спит. Всё думает.

— О чём же он думает?

— Да кто вас людей поймёт. То верёвку к трубе прилаживает, то чай пьёт.

— А к окошку подходил, улыбался?

— Улыбался.

— А песни русские, протяжные пел?

— И песни пел.

— А бутылки под кровать прятал?

— Дурак ты...

— Это почему же? — удивляюсь я.

— Да кто ж со светильником разговаривает, — лукаво подмигнул светильник и погас.

Чьи-то руки снова коснулись выключателя, и комната опрокинулась во мрак. Веки тяжелеют, глаза жмурятся против воли. Я нажал кнопку компьютера и лёг на кровать.

*

Когда придут люди, свяжут меня и напичкают лекарствами — будет утро. Они станут убеждать меня, что ночь для сна, а день для работы, что кушать полезно, а бухать вредно, что разум для войны, а война для мира, что две параллельные линии никогда не пересекутся, никогда...